

Глава 4.

Дитя Серебряных Равнин

- Нееееет!!! - пронзительный крик разорвал морозный воздух на части. Обливаясь потом, судорожно распахнув наполненные ужасом глаза, он с трудом поднялся с промерзшей земли. Вместо привычной черноты его окружал белый мир.

Не обращая внимания на впивающийся в конечности холод и мириады пляшущих вокруг тела снежинок, он испугано вытянул вперед руки.

Нерешительно переведя взгляд вниз, замер в смятении. Протяжно вздохнув, содрогнулся от облегчения, когда холодный воздух наполнил его легкие:

- Аг~ Гукк... - его руки были такими же, как и прежде. Тонкими и бледными, какими он их и помнил.

На внутренней стороне ладоней виднелись кровавые волдыри и царапины, на руках - рубцы и синяки. Ничего необычного. Сведя вместе замерзшие руки, пошевелил пальцами - к счастью, последние не потеряли чувствительности, двигаясь легко и свободно.

Ноги, следуя мысленному приказу, послушно зашевелились под покрытым инеем плащом. К счастью, его тело было в полном порядке.

Все еще потрясенный, несмотря на целостность конечностей, поднес дрожащие руки к лицу.

- А? - его зрение затуманилось, а из глаз покатались слезы.

Периодически возвращающийся кошмар вновь обрушился на его сознание, напомнив о тьме, заключившей его в бесконечный океан небытия. И все же причиной такой реакции был не страх или ужас:

- Ухкух!!

Стиснув зубы, он вытер хлынувшие из глаз вопреки его воле слезы.

- Ууууу!! - он не мог их сдерживать, как бы не старался - утрата и одиночество изнутри сжимали сердце. В той темноте он словно потерял часть себя. Уткнувшись лицом в ладони, он беззвучно плакал.

Неведомые чувства, медленно сплетаясь, исчезали, сопровождаемые биением его сердца и

рыданиями.

...

Казалось, он сидел в одиночестве целую вечность, погруженный в неизвестность. В его голове, словно отражения в бурном пруду, проносились мимолетные и отрывочные мысли.

- Сюда! Он здесь! Скорее! - сквозь морозную пелену громко проскрежетал хриплый, изможденный голос, заставив его вздрогнуть и перестать плакать.

- У кого ключи?! - слышался еще один голос, сопровождаемый хрустом снега и тяжелым дыханием.

Вытерев внутренней стороной плаща распухшие глаза, он повернулся в сторону нарушителей кладбищенского спокойствия. Вокруг него, покрытые тонкими снежными завесами, торчали из земли десятки аккуратно расставленных камней. Некоторые из них - те, что темно-серые, покрывала замысловатая резьба, другие были расписаны узорами попроще. Рядом с ним, недалеко от места, где он спал, высилась могила с большим надгробием.

На него лавиной нахлынули воспоминания, как он вообще сюда попал. Медленно поднявшись, он посмотрел в сторону, откуда доносились голоса. За массивными воротами кладбища заметил головы нескольких человек. Неуверенный в том, что его ждет, начал медленно, боязливо отступать.

- Рултал!! - мощный голос, прогремев по воздуху, разметал медленно кружащиеся в воздухе снежинки. Разговор у ворот мгновенно стих.

Его внутренности от этого рева испуганно сжались. Взгляд невольно остановился на высоком стройном мужчине с серебристыми волосами до плеч.

- О-отец... - до смерти напуганный яростным выражением лица этого человека и его суровым взглядом, он инстинктивно отвел взгляд. Его ноги отказывались двигаться. Когда ворота со скрежетом распахнулись, слезы снова хлынули из его глаз.

- Рул! - окликнувший его женский голос отличался от повелительного баса отца. Наполненный одновременно облегчением и паникой, голос обвился вокруг него нежным пламенем. Слышались легкие шаги.

Стройная женщина с янтарными глазами и распущенными каштановыми волосами, приблизившись, крепко обняла испуганного мальчика:

- Что ты здесь делаешь? Разве ты не понимаешь, что мы волнуемся?! - закричала она, пряча за маской гнева и паники облегчение.

Не зная, что сказать в свое оправдание, все, что он мог делать - подавлять слезы в попытке сохранить остатки сил.

- Довольно, Мерил, - раздался низкий голос его отца. Следом послышались его тяжелые шаги. Его лицо было насупленным и сердитым. - Ты слишком с ним нянчишься. Ему пора повзрослеть.

- Повзрослеть?! - воскликнула его мать. Ее глаза наполнились гневом. - Как думаешь, что он здесь делает?! Разве ты не знаешь, какой он слабый?!

- Это ты его разбаловала, что он стал таким. Я просто пытаюсь это исправить.

- Ему девять лет! - быстро приподняв плащ, она взяла его за руки, обнажив пересекающиеся линии старых синяков и свежих рубцов, тянущихся вдоль предплечий. - Есть лучшие способы воспитания, чем бить его до тех пор, пока он не сможет двигаться!

- Он должен пробудить свой потенциал..., и я сделаю для этого все, что потребуются, - холодный, бесчувственный ответ без намека на раскаяние или сочувствие. Даже не поднимая глаз он чувствовал разочарование, наполнившее серебристый взгляд его отца.

- Он не Ролам. Неужели ты настолько слеп, что не видишь, что представляет собой твой сын? - возразила женщина.

- Слабость - это смертный приговор. Мы не сможем вечно его защищать. Запомни это, - после долгой паузы отец, наконец, отступил назад. Спокойно развернувшись, не оглядываясь, пошел обратно к воротам, где ждали остальные.

Мальчик и женщина остались предоставленными самим себе:

- Я... я сожалею, мама, - он кротко извинился, глотая слезы. - Я... я никогда не стану таким сильным, как Ролам. Я...

- Тише, - мать притянула его к себе.

Оказавшись в безопасности в ее объятиях, мальчик совсем расклеился - его лицо исказилось, а из глаз, как из переполненного источника, хлынули слезы.

...

К тому времени, как снег прекратился, его слезы давно высохли. С трудом заставляя глаза оставаться открытыми, он устало прислонился головой к груди матери. Они по-прежнему сидели рядом с большим надгробием.

Погладив сына по плечу, женщина еще крепче прижала его к себе:

- Этот плащ, что сейчас на тебе, ты получил его от Ролама? - тихо спросила она. Ее голос был низким и успокаивающим, похожим на теплую мелодию.

- Угу.

- Ясно... - не говоря больше ни слова, она нежно провела пальцами по его серебристым прядям.

- Я по нему скучаю... - прошептал он слабым, усталым голосом.

Поплотнее закутался в зачарованный черный плащ, мгновенно обвивший его теплом.

Впервые он надел его в тот день, когда умер его брат.

- Я знаю, что скучаешь, - прислонившись лбом к его лбу, она нежно посмотрела ему в глаза. Он увидел, как прекрасный янтарь, потемнев, наполнился печалью. - Я тоже по нему скучаю. - добавила она, прежде чем перевести взгляд на темно-красную мраморную плиту.

На ее лице застыли печаль и гнев, когда она смотрела на мрачное надгробие.

- Прости, - коротко извинился мальчик.

- Хм? За что? - чуть улыбнувшись, с интересом посмотрела на него мать.

- За то, что сбежал, - робко ответил мальчик, стыдливо опустив голову. - За то, что заставил тебя волноваться.

- Верно мыслишь. Это не то место, где ребенок может бродить ночью в одиночестве. А что, если бы на тебя наткнулся какой-то бродяга? Или, что еще хуже, блуждающий ходок? - широко улыбнувшись, шутливо спросила мать.

- О... они выдумка, и я... - он запнулся, - я просто...

- Я знаю, мой сладкий. Я знаю, - вытянув вперед руку, мать, положив ладонь на матовую мраморную плиту, пробормотала заклинание.

Сорвавшееся с ее пальцев золотое пламя обвилось вокруг надгробия, легко растопив осевший на нем снег. Еще одно слово, и золотое пламя, на мгновение вспыхнув, исчезло.

Надпись на надгробии начала слабо светиться.

Ролам Вокс Анралт АнДаргус. Начертанная серебром надпись - все, что осталось от его почтенного старшего брата, гордости Серебряных Равнин. Останки человека, объединявшего в себе надежды и мечты его родителей. Все, что осталось от союзника, который всегда его защищал, независимо от того, прав он или виноват.

...

- Успокоился? посмотрела на него мать, после того, как мимо них пронесся очередной порыв холодного ветра. - Твой плащ может защитить тебя от непогоды, в отличие от моего, а здесь ужасно холодно, - сказала она, демонстративно поежившись.

- Я... но как же отец? - с сомнением посмотрел на мать мальчик.

- А что он?

- Он меня ненавидит, - подумав об отце, мальчик помимо воли сжался.

Его мать улыбнулась:

- Отец очень тобой дорожит. Почему ты думаешь, что это не так?

- Он меня не любит, - возразил мальчик. Его голос был низким и обессиленным, похожим на всхлип. - Отец меня ненавидит. Он сказал, ему не нужен такой слабак, как я. Что это я должен был умереть, а не... - на этих словах его губы дрогнули. Глаза снова начали заполняться слезами.

- Достаточно, - ее руки, все еще обнимавшие сына, напряглись. - Твой отец был не в себе вчера вечером. Можешь быть уверен, он сожалеет о том, что сказал. Он будет дураком, если снова скажет подобную чепуху.

- Но я... я слаб. А отец...

- Ты слишком мягкий, - перебила она его. - А мягкий и слабый это не одно и то же.

Медленно подняв голову, он посмотрел на мать:

- Но...

- Больше никаких "но", - снова прервала его она, начав нежно поглаживать по волосам. - Ему больно, понимаешь? Он... - замолчав, она уставилась на надгробие. - Твой отец винит себя в том, что случилось с Роламом... - сказала она дрожащим голосом. - Он не смог справиться с

потерей даже после стольких лет. Так что, он строг к тебе не из-за твоей слабости, а из-за собственной.

Подняв голову, он спокойно посмотрел на мать. Несмотря на то, что она храбро его защищала, он видел смятение, пожирающее ее изнутри.

- Слабость, гнев и страх, неспособность защитить свою землю, свой народ и своих сыновей. Он сейчас испытывает очень сильную боль, но, будучи человеком старой закалки, никогда не позволит себе показать слабость. Особенно перед тобой, - прекратив поглаживания, она с болью посмотрела ему в глаза. Подул ветер и ее длинные каштановые волосы коснулись его лица. - Он не так силен, как ты думаешь, милый Рул. Он разваливается на части. Он разваливается на части с тех пор, как погиб твой брат, и я боюсь... - как будто не решаясь продолжить свою мысль, она остановилась.

Глядя на эту мужественную женщину, с наполненными печалью и безмолвным плачем глазами, он чувствовал себя неловко. Ему было стыдно за свой эгоизм и ребячество:

- Я... прости меня, мама. Я... я был неправ, - он мог только извиниться.

- Я принимаю твои извинения, мой сладкий. - ответила ему она теплой улыбкой. - Но ты... ты не так слаб, как думает твой отец. Пришел сюда совсем один. Неужели тебе не страшно?

- Н-немного, - признался он, смутно припоминая страх, охвативший его при пробуждении - страх, о котором он уже не помнил.

- Всего лишь немного? - ее улыбка на мгновение превратилась в дразнящую усмешку, а затем и вовсе исчезла. Снова переключив внимание на надгробие, она, протянув руку, коснулась продолжавших светиться букв. - Давненько мы сюда не приходили, да?

...

Поместье Андаргов гниющей скорлупой нависало над унылым горизонтом. Сельскохозяйственные угодья были сожжены после сбора урожая - земля, покрытая инеем и пеплом, отдыхая, восстанавливала силы.

Когда их наполненный маной экипаж покатился по одной из четырех фермерских общин, окружавших поместье, и без того напряженная атмосфера начала еще больше накаляться.

Резко контрастируя с радостной обстановкой прошлых лет, воздух был наполнен жуткой тишиной, лишаящей человека воли.

Глядя в окно, он молча осматривал все, мимо чего они проезжали.

Изредка им попадались спешащие по своим делам люди. Немного чаще можно было увидеть

усиленные патрули.

На глаза попался запряженный экипаж, в который слуги загружали вещи.

Он нахмурился.

Заметив перемену в его лице, женщина проследила за его взглядом:

- Джирлфанцы, - сказала она. - Их передали другому лорду с условием, что к концу года они смогут уйти. Твой отец послал людей им в помощь в благодарность за годы верной службы.

- ... - он не ответил, продолжая смотреть в окно. Впрочем, его ответ здесь и не требовался.

Назначение знатных подданных производилось императорским двором, противостояние приказу которого приравнивалось к государственной измене. Все, что они могли сделать, это смириться и ждать, пока к ним пришлют кого-то другого.

Как бы там ни было, Джирлфанцы были не единственными их подданными, которых передали другим лордам, чтобы ослабить влияние его отца. Всего их было пятеро. Перевод Джирлфанзов был всего лишь очередным маневром в череде попыток ослабить их дом.

- Мы почти дома, - голос матери вывел его из задумчивости. - Мне нужно кое-что сделать, поэтому я с тобой не пойду, но я хочу, чтобы ты извинился перед отцом, как только мы приедем. После встретимся во дворе. Есть... кое-что, что ты должен узнать.

- Мама? - спросил он, услышав напряжение в ее голосе и увидев ее нерешительность.

- Есть... есть причина, почему твой отец с тобой так суров. Почему он так на тебя давит...

- Причина? Что за причина?

Вместо ответа его мать отвернулась к окну:

- Расскажу после того, как извинишься перед отцом. После всего случившегося не думаю, что он будет против, чтобы я тебе все рассказала... - ее голос снова затих, а она сама уставилась куда-то вдаль.

Понимая ее нежелание говорить, он, успокоившись, тоже посмотрел на улицу.

...

- Мы не можем больше оттягивать время! - из зала для аудиенций донесся голос его отца. Он тут же замедлил шаг. Это был голос, который он мог узнать из тысячи.

- Запасов на моих складах едва хватит, чтобы дожить до следующего урожая. А с учетом беженцев, прибывающих из восточных провинций, этого не хватит и на пол зимы.

- Дом Андаргуса поделится с вами запасами, если это ваша главная проблема, милорд. Но что касается сути нашего дела - мы будем действовать по плану и ждать.

- Действовать, как запланировано? - он удивился, услышав спокойный голос отца. Подойдя ближе, остановился у двери, не зная, стоит ли прерывать их разговор или нет.

- Мы благодарны за ваше великодушие, милорд, но вы обеспечиваете и так слишком многих из собственных запасов и казны. Боюсь, при таких темпах у вас может не хватить денег на себя, учитывая, насколько в последнее время возросли налоги, - предостерег третий голос, едва слышимый из-за дверей.

- Лорд Трол из Далакура уже поклялся служить нашему делу. С его ресурсами, даже если я исчерпаю собственные, с нами все будет в порядке.

- При том, как идут дела, я не вижу ничего хорошего в помощи этого скряги, милорд, - вмешался четвертый голос: - Да и вообще, мы не нуждаемся в его помощи. Как бы там ни было, дома Джединов, Мурсувасов и Аулытхаэров уже находятся на завершающей стадии подготовки. Гильдии тоже почти готовы, как и большинство наших сил. Если вы отдадите приказ, мы сможем выступить еще до Нового Года.

«Силы? Приказы? К чему они готовятся?» - в голове засело множество вопросов.

- Мы не должны торопиться. Мы уже два года ждем, - заговорил его отец, успокаивая остальных: - Если мы сейчас поторопимся и потерпим неудачу, как я объясню это жене и сыну? А моему народу? Как вы объясните это своим семьям? Находясь так близко, мы не должны становиться импульсивными.

- Но, милорд. Как мы можем...

- Лорд Себаран... думаете, я не вижу, что происходит за пределами моих владений? Люди страдают, но мы не можем поступать опрометчиво. Раз уж мы на это решились, давайте сделаем все правильно. Мы не можем потерпеть неудачу. Народ этого не заслуживает.

- Я... как вы и сказали, милорд...

- Действительно. Давайте подождем возвращения гонцов от лорда Ролана, прежде чем что-то делать, - к дискуссии присоединился пятый голос.

- Благодарю вас, милорды. Кван и Юнсо должны вернуться до конца года. Давайте обсудим это после того, как выслушаем их доклады. Голос его отца на мгновение замер, а затем спросил: - Все согласны?

- Да, милорд. Звездное поместье Вретраль будет ждать ваших указаний.

- Да... дом Улькурин тоже будет ждать ваших приказов.

- Гильдия Скальванг и ее дочерние компании тоже будут ждать от вас вестей.

- Тогда, господа... я благодарю вас всех, что пришли. Давайте на этом остановимся.

После этого послышался звук передвигаемых стульев и приближающиеся к двери шаги. Оглянувшись на коридор, по которому шел к залу аудиенций, юноша понял, что спрятаться негде.

- Рултал, - донеслось до него с другой стороны двери, заставив его напрячься. - Открой нашим гостям дверь.

Удивленный, он, быстро схватившись за ручку. Толкнул большие, наполненные маной двери.

Когда они распахнулись, увидел четверых мужчин и отца. Все, в том числе и его отец, были одеты в богатые одежды. Пытаясь проглотить унижение, которому его подвергнул собственный отец, он, опустив голову, отошел в сторону. Он стоял, не поднимая головы до тех пор, пока они все не прошли мимо.

- Подслушивать - недостойно сына дому Андарга, - резкий, холодный выговор хлестнул по ушам.

- Я ... мне очень жаль. Я не собирался этого делать...

- Ты сожалеешь, что не собирался подслушивать? - холодные серебристые глаза отца смотрели на него сверху вниз. - Снаружи не было охраны. Ты должен был знать, что это значит.

- Я...

- Ты даже не попытался представиться нашим гостям. Вместо этого стоял, словно обычный преступник, подслушивая разговор. И ты утверждаешь, что не хотел этого делать?

- Мне очень жаль, отец, - он покаянно опустил голову, не в силах возразить.

- Ты... - брошенный на него взгляд отца был полон презрения. - Хотя меня это и раздражает, но ты - сын дома Андаргов. В следующий раз ты должен поступить так, как подобает порядочному человеку, и представиться уважаемым гостям. Ты уже достаточно взрослый, чтобы знать, что правильно, а что нет.

- Д-да, отец, - он заикался, не смея поднять голову.

- А сейчас... Чего ты хотел? - в этом вопросе не было ни любви, ни сострадания. Только презрение.

Быстро войдя в комнату, юноша, встав на колени, пал ниц перед этим ненавистным человеком.

- Я... я был неправ, - заикаясь, начал он. - К-как человек из дома Андаргов, как человек, который поклялся защищать эту землю... бежать перед лицом несчастий и прятаться, позоря наших предков... я приношу свои извинения. Я у-умоляю Вас ... пожалуйста, простите меня... - он собрал всю свою волю, пытаясь искренне произнести заранее отрепетированные слова.

- Как самонадеянно... если тебе больше нечего сказать, уходи.

- Отец ... - он уткнулся лицом в землю, чувствуя, как из глаз снова хлынули слезы. - П-пожалуйста...

- Беги к своей матери. Сегодня я потратил на тебя слишком много времени.

- От... - стиснув зубы, не поднимая лица, он, развернувшись, выбежал из комнаты, как велел ему отец.

...

Одиночество и холод, проникавшие в открытые окна, не могли успокоить его беспокойный ум. Раскинув руки, он лежал на холодном полу своей комнаты. Когда он смотрел на окно, единственное, что приходило ему в голову - бросившись вниз, присоединиться спящему вечным сном брату

Повернувшись на бок, он закрыл глаза, но сразу же их распахнул, услышав стук копыт и поднимающуюся снаружи суматоху.

Каким умиротворенным в тот день выглядел его брат Ролам.

С тех пор прошло больше двух лет, но он все еще помнил лицо своего заключенного в мрамор старшего брата, готовящегося к Вечному Странствию. Как стойчески вел себя его отец, пока маги выполняли свою работу, хотя прошлой ночью он слышал, как тот горько плакал.

Как его мать, рыдая, умоляла магов не запереть ее сына.

"Они могут заменить его мной?" - думал он тогда, желая оказаться на месте Ролама, как хотел отец.

- Разве стал бы он обо мне так горевать? А мама, плакала бы она за мной каждую ночь, как за Роламом? - повернув голову, он снова посмотрел на открытое окно - доносящиеся с улицы звуки становились все громче.

- Наверное, было бы лучше, если бы я... - тихо прошептал он, отталкиваясь от пола слабыми руками.

- БАМ! - кто-то с грохотом распахнул дверь его комнаты.

Обернувшись, непонимающе посмотрел на мать.

- Рул! - испуганно закричала женщина, бросаясь к нему навстречу.

<http://tl.rulate.ru/book/245/749914>